

УДК 821.0

**ПОЭЗИЯ Х. ТУФАНА
В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ 1920–1950-х гг.
(к сопоставительному изучению творчества
Х. Туфана и Н. Заболоцкого)***

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

Обоснованная в трудах М. Бахтина идея диалогической сущности литературы становится в трудах современных компаративистов теоретико-методическим основанием изучения межлитературного процесса¹. В отдельных исследованиях диалог между национальными литературами предлагается понимать как столкновение укорененных в национальной идентичности отдельно взятой литературы и демонстрирующих ее уникальность различий². Такое понимание диалога встречается и в трудах по философской компаративистике. «Философский диалог, – пишет А.С. Колесников, – это субъект-объектные отношения в их предельной выраженности при предельном несовпадении субъектов друг с другом – иначе не было бы ни вопросов, ни ответов»³.

В разные периоды истории татарской литературы XX века, рассматриваемой с точки зрения так понимаемого межлитературного диалога, степень выраженности различий была разной. В литературе начала века в диалоге между татарской и русской литературами их национальная идентичность проявляется ярче, чем в 1930–1950-е гг., в период утверждения социалистического канона и унификации национальных литератур. В этой связи значительный интерес представляет творчество авторов, развивавшееся в диахронных системах. К таковым от-

носится Х. Туфан, в творческой биографии которого нашли отражение тенденции полувекового периода отечественной литературы.

Художественные ориентиры в раннем творчестве Туфана определялись общественными настроениями 1920-х гг.: верой в революционное преобразование мира, в обновление культуры. Продолжая начатые Х. Такташем художественные поиски, Туфан во второй половине 1920-х гг. создает ряд работ по поэтике татарского стиха: «Хэзерге шигырьләр турында» (1927), «Яна шигырь техникасы турында» (1928). В них Туфан провозглашает новую поэтику татарского стиха, противопоставляя ее «старой» поэтике, связанной с традициями средневековой восточной поэзии. Применительно к традиционной поэтике Туфан использует собственное определение – ЭБИЗМ (әдәбиятта борынгылыкка иярүче законнар мәктәбе – школа последователей законов старины в литературе).

Рассуждения Х. Туфана по поводу новой поэтики, с одной стороны, отражают характерное для литературы 1920-х гг. представление о связи литературы с социальной действительностью: строительство нового мира предполагает создание нового языка и новой поэтики. Подобного рода художественные ориентации были характерны для последователей авангарда.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406-а/В/2010.

В русской поэзии 1920-х гг. это поэты, деятели искусства и науки, разделяющие эстетическую платформу «Лефа», в татарской – «Сулфа».

В ранних стихах Х. Туфана заметно влияние авангардной поэтики. Оно обнаруживается на разных уровнях стиха: образном, языковом, ритмико-интонационном, звуковом. Для выражения лирического переживания поэт обращается к характерным для поэзии 1920-х гг. образам: паровоз, трамвай, пропеллер, гудок:

*Барабыз!
Тапта кайгыны, паровоз!
Сындыр тынлыкны, трамвай!
Кимер наваны, пропеллер!
Ялкынлат болытны, торбалар!*
(«Барабыз», 1925)

В стихах Туфана используются неравносложные стихи, неточные рифмы, и эта поэтическая установка сближает поэтику Туфана с поэтикой русского авангарда, в частности, В. Маяковского, в которой неточные рифмы были органической частью поэтической системы.

С поэтикой авангарда раннюю поэзию Х. Туфана сближает и особый тип метафоричности, когда душевные процессы сравниваются с физическими явлениями или заменяются ими:

*Уйда винт йомишаса,
Нинди ачкыч белән борырга.*

*Минем уйлар, Урал,
Компас кебек сиңа тартылган.*

*Уйлар, китегез, кит!
Тизрәк китегез!
Калыпларга аккан чуен кебек,
Тыгызлысыз ниңә күңелне⁴.*

Исследователи творчества Х. Туфана обращают внимание на предметность как способ художественного мировидения поэта. «И с точки зрения стиля, изобразительных средств, – пишет по этому поводу Х. Госман, –

Туфан открыл в татарской поэзии оригинальный, своеобразный путь... Он стремится к конкретности, ясности, броской изобразительности, даже невидимые предметы поэт делает осязаемыми»⁵. Хрестоматийным примером такого способа художественной изобразительности стали строки из поэмы «Уральские эскизы» (1926):

*Кара сыер төсле кара төнне
Кемдер суйды:
Ялкынлы кан китте бугаздан...
Домналар ул,
Вулкан уянган күк,
Йолдызларга пожар сузалар.*

В русской поэзии 1920-х гг. такой способ художественного мировидения был характерен для Н. Заболоцкого, ранние стихи которого отличаются динамической предметностью.

Последующая эволюция поэтической системы Х. Туфана может быть определена как движение от авангардной поэтики к классике. Художественный потенциал традиций классической татарской поэзии начинает раскрываться в произведениях 1930-х гг. В стихотворениях этих лет («Ак каен», 1933, «Озату», 1933, «Су астында бер егет бар», 1935) поэт обращается к образам и жанрам татарского фольклора. Движение поэта от авангардной поэтики к классической традиции в немалой степени было связано с интересом Туфана к восточной поэзии и философии. Среди восточных поэтов, оказавших влияние на Туфана, особое место занимает Омар Хайям. На протяжении всего творческого пути Хайям оставался для Туфана образцом свободы мысли, который исповедовал материалистическое понимание мира и человека.

Интерес Туфана к Востоку не ограничивался творчеством Хайяма. Туфан высоко ценил Фирдоуси и Хафиза, Саади и Низами, Алишера Навои. В конце 1930-х гг. он создает ряд стихотворений («Мимходом», «Память занесенных следов», «В садах Ташкента»), в основу которых легли его впечатления

от путешествия по Кавказу и Средней Азии. В них поэт упоминает имена Фирдоуси, Хайяма, Навои, Бабур.

Обращение Х. Туфана к фольклору и восточной классике в 1930–1950-е гг. становится способом выражения национальной идентичности в ситуации унификации национальных литератур. В русской поэзии примером подобного движения от авангардной поэтики к классической является творчество Н. Заболоцкого. В 1920-е гг. его творчество, как и поэзия Туфана, развивалось в контексте авангардной поэтики: Заболоцкий вместе с Даниилом Хармсом и Александром Введенским стоял у истоков «Объединения реального искусства» («Обериу»). В 1930-е гг. он обращается к традициям классики (Тютчев, Боратынский, Державин).

И Туфан, и Заболоцкий в 1930–1950-е гг. пишут натурфилософские стихи: «Очрашырбыз эле», «Агыла да болыт агыла», «Сөйли торган материя» (Х. Туфан), «Метаморфозы», «Прогулка», «Деревья» (Н. Заболоцкий). Сопоставляя натурфилософскую лирику Туфана и Заболоцкого, следует, с одной стороны, обратить внимание на традиции русской и татарской натурфилософской поэзии. Применительно к Заболоцкому можно говорить о тютчевских традициях, применительно к Туфану – о традициях, связанных с творчеством Дэрдменда. У Дэрдменда пейзажные образы символичны, и эта символика в большинстве случаев определяется представлением о сущностной и неизрекаемой связи человека и природы. А.М. Саяпова рассматривает поэзию Дэрдменда в широком философском контексте (философия экзистенциализма, суфизм, европейская натурфилософия)⁶. У Туфана поэтическая натурфилософия имеет иные источники. В первую очередь, это творчество Омара Хайяма, поэзия которого – образец диалектического понимания природы. Связь между человеком и природой, их единство понимаются Туфаном не идеалистически, а скорее, материалистически. Об

этом, в частности, свидетельствует и широко представленная в творчестве поэта идея единства всех форм жизни. Человек в натурфилософских стихах Туфана – часть Вселенной, и в качестве таковой он родствен любой ее другой части, например, огню костра («Очрашырбыз эле») или цветку фиалки («Сөйли торган материя»).

Философская рефлексия в стихах Туфана вырастает из глубоко личностных, интимных переживаний:

*Син үзеңең туган илдә, сеңлем,
Син үзеңең нәселен эчәндә.
Назон кебек, әйттик, минем кебек
Йөрисен юк илең читендә.*

.....
*Эх, очар да кайтып китәр идем,
Жаным әгәр күбәләк булса:
Тормышларым әгәр ватык түгел,
Сынык түгел, түгәрәк булса.*

(«Сөйли торган материя»)

В этих строчках возникает образ лирического героя-изгнанника (сравнение с Овидием Назоном не случайно), оторванного от своего дома. Такова была и судьба самого Туфана – узника сталинских лагерей.

Влияние восточной классики не ограничивается только рецепцией идей – Туфан обращается к характерным для поэзии Востока формам стиха. Он переводит рубаи Хайяма, сам пробует себя в этом жанре, вводит в татарскую поэзию стихотворения, построенные по принципу венка строф («Хәят», «Бу соңгы таңы анын», «Илдә ниләр бар икән?», «Иртәләр житте исә» и др.)⁷.

Таким образом, сопоставление поэтических систем Х. Туфана и Н. Заболоцкого позволяет при общей логике их развития от авангардной поэтики к классической выявлять обусловленные национальной идентичностью различия между ними. На фоне натурфилософской поэзии Н. Заболоцкого, связанной с традициями русской (Тютчев) и европейской поэтической натурфилософии, более рельефно выступают особенности натурфилософии

Х. Туфана, восходящей к традициям восточной поэзии (Хайям). Одновременно и идентичность поэтической натурфилософии Заболоцкого представляется более выраженной в сопоставлении с творчеством Х. Туфана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Аминова В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010; *Шайтанов И.* Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. – М.: РГГУ, 2010; *Сафиуллин Я.Г.* О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: Сборник научных статей. – Чебоксары: «Новое время», 2010. – С. 92–95.

² *Сафиуллин Я.Г.* О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: Сборник научных статей. – Чебоксары: «Новое время», 2010. – С. 93.

³ *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток – Запад: Учеб. пособие. – СПб., 2004. – С. 267.

⁴ *Нигъмәти Г.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. китап нәшр., 1958. – С. 213. Ср.:

Мозги илифуюм рашпилем языка.

Кто выше – поэт

или техник,

который

ведет людей к общественной выгоде?

Оба.

Сердца – такие же моторы,

Душа – такой же хитрый двигатель.

(*В. Маяковский «Поэт рабочий»*)

⁵ *Госман Х.* Зур хисләр һәм тирән идеяләр шагыйре // Туфан Х. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. китап нәшр., 1964. – С. 13.

⁶ *Саянова А.М.* Дәрдемд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань, 2006.

⁷ Для русскоязычного читателя такая форма известна по стихотворению С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!», включенному в цикл «Персидские мотивы» (1924) и представляющему собой стилизацию восточной поэзии.

Аннотация

На основании современных подходов к межлитературному диалогу в статье рассматривается поэзия Х. Туфана 1920–1950-х гг. в сопоставлении с поэзией Н. Заболоцкого. В процессе диалогического изучения поэзии Туфана и Заболоцкого выявляются их национальная идентичность, устанавливаются ее источники: связь поэзии Туфана с традициями татарской и восточной, Н. Заболоцкого – русской и европейской натурфилософской поэзии.

Ключевые слова: Х. Туфан, Н. Заболоцкий, татарская поэзия, русская поэзия, межлитературный диалог.

Summary

The article deals with K. Tufan's poetry of 1920–1950s in comparison with N. Zabolotsky's poetry on the basis of modern approaches of interliterary dialogue. In the process of dialogical studying of Tufan's poetry and Zabolotsky's poetry their national identity is revealed, its sources are established: connection of Tufan's poetry with traditions of Tatar and Oriental poetry, Nikolay Zabolotsky's poetry – with Russian and European poetry of natural philosophy.

Keywords: Khasan Tufan, Nikolay Zabolotsky, Tatar poetry, Russian poetry, interliterary dialogue.